

АЛЬБЕР КАМЮ

СЧАСТЛИВАЯ СМЕРТЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К18

Серия «Эксклюзивная классика»

Albert Camus
LA MORT HEUREUSE

Перевод с французского *Т. Чугуновой*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*
Печатается с разрешения издательства
Editions Gallimard.

Каю, Альбер.

К18 Счастливая смерть : [роман] / Альбер Каю ; [перевод с французского Т. Чугуновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 160 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-137325-2

Ранний роман Альбера Каю «Счастливая смерть», несомненно, заинтересует читателя, потому что таит в себе много загадок. Роман не был опубликован при жизни автора, но именно «Счастливая смерть» открывает творческий диалог Каю с Ницше — диалог, в течение всей жизни служивший для Каю источником вдохновения и писательских открытий. «Счастливая смерть» — нежнейшая проба пера, однако в романе уже отчетливо звучит тема «Постороннего», которая станет впоследствии лейтмотивом творчества французского экзистенциалиста.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-137325-2

© Editions Gallimard, Paris, 1971
© Перевод. Т. Чугунова, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

Часть первая

ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ

Глава 1

Было десять часов утра, Патрис Мерсо размеренным шагом двигался по направлению к вилле Загрея. В это время суток прислуга уходила на рынок, вилла была пуста. Стояло апрельское весеннее утро, холодное, выдержанное в чистых голубых тонах, какие бывают у льда, утро с большим ослепительным, но не жарким солнцем на небосклоне. Пространство между стволов сосен, которыми были обсажены прилегающие к вилле холмы, заполнял поток чистейшего света. Дорога была пустынна. Она чуть заметно поднималась в гору. Мерсо шагал с чемоданом в руке посреди небывалого утра, дарованного миру; в стылом воздухе слышались отрывистые звуки его шагов и поскрипывание ручки чемодана.

Немного не доходя до виллы, дорога уперлась в небольшую площадь, на которой был устроен сквер с садовыми насаждениями и скамейками. От яркого вида ранней алой герани среди серых алоэ, синего неба и побеленных известью стен изгороди повеяло чем-то детским, Мерсо опешил и на миг замер

перед тем, как спуститься от площади к вилле. У порога виллы он остановился еще раз и надел перчатки. Затем открыл дверь, которую калека держал незапертой, и прикрыл ее за собой. Пройдя по коридору до третьей двери слева, он постучал и вошел в комнату. Загрей сидел в кресле на том самом месте у камина, на котором двумя днями ранее сидел Мерсо, культя его ног были прикрыты пледом. Когда Мерсо вошел, он читал; гость закрыл за собой дверь и остался стоять у входа; Загрей поднял глаза от книги, лежащей на пледе, и без всякого удивления уставился на него своими круглыми глазами. Занавески на окнах в комнате были отдернуты, на полу, на мебели, на предметах маячили солнечные зайчики. За окнами, на обласканной солнечными лучами и все же холодной земле улыбалось утро. Разлитая в ледяном воздухе радость, пронзительные крики птиц, неуверенно пробующих голоса, неудержимый поток безжалостного света с небес наполняли этот утренний час простодушной и естественной жизнью. Мерсо задохнулся от царящей в помещении жары. Несмотря на перемену погоды, в камине Загрея всюду пылал огонь. Кровь прилила к вискам Мерсо, в ушах застучали молоточки. Загрей молчал, не спуская с него глаз. Патрис подошел к внушительному сундуку, находящемуся по другую сторону камина, и, не глядя на калеку, положил свой чемодан на стол. И тут почувствовал едва ощутимую дрожь в лодыжках. Он сунул в рот сигарету и неловко, из-за того что руки были в перчатках, прикурил. Сзади раздался негромкий хлопок.

Не вынимая сигарету изо рта, он обернулся. Загрей захлопнул книгу, по-прежнему не сводя с гостя глаз. Чувствуя, что огонь до боли обжигает колени, Мерсо прочел название книги, расположенное по отношению к нему вверх ногами: «Придворный человек» Бальтасара Грасиана*. После чего без дальнейших колебаний нагнулся к сундуку и открыл его. Черный на белом револьвер сверкал всеми своими изломанными гранями, словно какой-нибудь ухоженный кот, под ним лежал конверт с письмом Загрея. Мерсо взял его в левую руку, а револьвер — в правую. После недолгого колебания сунул оружие под мышку левой руки и открыл конверт. В нем находился один-единственный листок бумаги большого формата, на котором крупным угловатым почерком Загрея было написано несколько строк:

«Вместе со мной уходит лишь полчеловека. Прошу отнестись ко мне снисходительно, в моем сундуке найдется чем отблагодарить тех, кто служил мне. Кроме того, я желаю, чтобы его содержимое способствовало улучшению содержания приговоренных к смерти. Но осознаю, что прошу слишком о многом».

Мерсо с непроницаемым лицом сложил письмо; в эту минуту от сигаретного дыма защипало в гла-

* *Грасиан Бальтасар* (1601–1658) — испанский моралист и эссеист, чьи произведения повлияли на европейскую нравственную традицию. «Придворный человек» (1647) представляет собой собрание максим.

зах, немного пепла упало на конверт. Он стряхнул пепел, положил конверт с запиской на стол на самом виду и повернулся к Загрею. Глаза того теперь были устремлены на конверт, его короткие и мускулистые руки лежали по обе стороны книги. Мерсо нагнулся к сундуку, повернул ключ в замке сейфа, находящегося в нем, и завладел пачками денег, завернутыми в газетную бумагу, сквозь которую просвечивали корешки купюр. Держа револьвер под мышкой, одной рукой аккуратно заполнил ими свой чемодан. Там было меньше двадцати пачек с сотенными купюрами; чемодан Мерсо оказался слишком большим. Одну пачку он оставил. Закрыв чемодан, бросил недокуренную сигарету в огонь и, переложив револьвер в правую руку, приблизился к калеке.

Загрей смотрел в окно. Было слышно, как мимо входной двери с легким шамкающим шумом проехал автомобиль. Загрей сидел неподвижно, казалось, он весь ушел в созерцание баснословной красоты апрельского утра. Даже почувствовав представленный к правому виску револьвер, он не отвел взгляда от окна. Патрис увидел только, как его глаза наполнились слезами. И тогда зажмурился сам. Отступив на шаг, выстрелил. На мгновение прислонившись к стене, ощутил, как кровь зашумела у него в ушах. Он открыл глаза. Голова Загрея запрокинулась на левое плечо, тело почти не сдвинулось. Теперь это уже был не человек, а одна сплошная рана, состоящая из месива мозгов, костей и крови.

Мерсо затрясло. Он обошел кресло, нащупал правую руку убитого, вложил в нее револьвер, поднес ее к виску и отпустил. Револьвер упал на подлокотник кресла, а с него на колени убитого. Прodelывая это, Мерсо взглянул на подбородок и рот калеки, сохранивших то же сосредоточенное и печальное выражение, которое было, когда Загрей смотрел в окно. В этот миг перед домом раздался пронзительный зов рожка, затем повторившийся. Он прозвучал как нечто, не имеющее отношения к реальности. Мерсо, не шевелясь, застыл над креслом. Звук отъезжающего автомобиля возвестил о том, что мясник отбыл. Мерсо схватил чемодан, открыл дверь, щеколда которой ярко сверкнула в солнечном луче, и высунул голову в коридор; у него пересохло во рту. Шагнув за порог дома, он быстро пошел прочь. На улице никого не было, только в дальнем конце небольшой площади виднелась стайка детей. Дойдя до площади, он внезапно ощутил, что ему холодно, на нем была легкая куртка, его проняла дрожь. Он дважды чихнул, и долина наполнилась насмешливым эхом, которое подхватил и унес в хрустальную вышину порыв ветра. Слегка покачиваясь, Мерсо остановился и глубоко вздохнул. Мириады ослепительных улыбок спускались с голубого неба. Они играли на листьях, еще усеянных каплями дождя, на влажном туфе аллеи, летели к домам, крытым черепицей цвета свежей крови, чтобы снова во весь опор умчаться к переливающимся через край воздушным и солнечным озерам, откуда только что,

не удержавшись, пали на землю. Оттуда же доносились мирное гудение крошечного самолета. Казалось, при подобной роскоши живительного воздуха и плодоносящих небес единственным, что могло бы составить смысл жизни людей, были сама жизнь и счастье. Все молчало в Мерсо. Он чихнул в третий раз и ощутил дрожь, которая бьет человека при лихорадке. Не глядя по сторонам, заспешил прочь, сопровождаемый скрипом ручки чемодана и звуком шагов. Добравшись до дома, он поставил чемодан в угол, лег и проспал до середины следующего дня.

Глава 2

Лето наполняло порт шумом и солнцем. Была половина двенадцатого. День начинался с середины, чтобы навалиться на причалы всем грузом своего жара. Перед складами Алжирской коммерческой палаты шла погрузка мешков с пшеницей на черные с красными трубами пароходы. Запах мучной пыли, просачивающейся сквозь мешковину, смешивался с сильным запахом гудрона, возникшим от воздействия на асфальт жаркого солнца. У небольшого питейного заведения, отдающего лаком и анисовой водкой, собрались забулдыги; арабские акробаты в красных трико показывали, на что способны, на обжигающих подошвы плитках набережной, зрелище дополняли светящиеся блики, скачущие по морской равнине. Не обращая на все это никакого внимания, докеры с мешками

на плечах ступали на прогибающийся под их тяжестью трап, состоящий из двух досок, который вел с набережной на грузовую палубу. Наверху, перед тем как нырнуть в темную дыру трюма с его запахом горячей крови, они на миг останавливались, ослепленные ярким светом, идущим с вышины, и представляли на фоне неба и бухты среди грузовых стрел и мачт со сверкающими на лицах, покрытых белым налетом пота и пыли, глазами. В обжигающем воздухе безостановочно выла сирена.

Внезапно порядок в цепочке докеров был нарушен, они прекратили свою работу. Один из них оступился и угодил ногой в щель между трехдюймовых досок. Его рука, которой он поддерживал сзади груз, оказалась придавленной огромным мешком, и он закричал от боли. В эту минуту Патрис Мерсо вышел из здания компании, в которой служил. И задохнулся от набросившегося на него летнего зноя. Открытым ртом ловил он испарения гудрона, от которых першило в горле. Подойдя к докерам, он увидел, что они высвободили своего раненого товарища, тот лежал на пыльных досках с побелевшими от боли губами, его сломанная выше локтя рука бессильно свисала вдоль тела. Из страшной раны торчал обломок кости. Кровь стекала вдоль руки и с еле слышным шипением падала капля за каплей на обжигающие камни, образуя лужицу, от которой шел пар. Мерсо не мог отвести глаз от вида крови до тех пор, пока кто-то не взял его под руку. Это был Эммануэль, «прия-

тель по гонкам». Он указывал ему на грузовик, который приближался к ним среди портового грохота. «Погнали?» — спросил он. Патрис рванулся вперед. Грузовик обогнал их. Они бросились вдогонку, утопая в шуме и пыли, задыхаясь, ослепнув, осознавая только, что ведомы вперед необузданным порывом гонки, проходящей в бешеном ритме, задаваемом грузовыми стрелами и кранами, и сопровождаемой танцем мачт на горизонте да боковой качкой проржавевших судовых корпусов, вдоль которых они мчались. Мерсо первым уцепился за борт грузовика, демонстрируя свою силу и проворность, и запрыгнул в кузов. Затем помог забраться Эммануэлю, они сели, свесив ноги; грузовик летел вперед в белой пыли и жаре, спускающейся с неба, посреди фантастических портовых декораций, ошестинившихся мачтами и черными порталными кранами; Эммануэля и Мерсо подбрасывало на неровной набережной, и они хохотали до потери сознания, испытывая головокружительный подъем.

Добравшись до Белькура, они спрыгнули с грузовика. Эммануэль пел. Громко и фальшиво. «Понимаешь, — объяснил он однажды Мерсо, — что-то поднимается в груди. Когда я доволен. Когда плаваю в море». И правда, Эммануэль пел, когда плавал, и его голос, обычно хриплый от одышки, которая в воде пропадала, задавал ритм движениям его коротких мускулистых рук. Они пошли по Лионской улице. Верзила Мерсо шагал, с размахом выбрасывая вперед ноги, покачивая широкими и му-

скулистыми плечами. В том, как он ставил ногу на тротуар, в том, как скользящим движением бедер огибал преграды, порой встречающиеся на пути, чувствовалось, что он обладает на редкость молодым и сильным телом, способным одарить своего хозяина предельной физической радостью. Когда они останавливались, он переносил тяжесть тела на одно бедро, слегка подчеркивая свою гибкость, как делает человек, который благодаря спорту научился ценить пластику движений. Его глаза блестели под слегка тяжеловатыми надбровными дугами; когда он обращался к Эммануэлю, поджимая подвижные изогнутые губы, то машинально хватался за воротничок, чтобы освободить шею. Они вошли в кафе, где обычно обедали. Устроились за столиком и молча принялись есть. В помещении царил полумрак, было прохладно. Летали мухи, слышался стук тарелок вперемешку с голосами посетителей. К ним подошел Селест, хозяин заведения. Высокий, усатый, он почесывал свой живот под фартуком, после чего оправлял его.

— Как дела? — поинтересовался Эммануэль.

— Как у стариков, — последовало в ответ.

Завязалась беседа. Селест и Эммануэль обменивались восклицаниями «Да, коллега!» и похлопываниями по плечу.

— Видишь ли, приятель, старики — это такие пустозвоны! — говорил Селест. — Утверждают, что настоящий мужчина тот, которому не меньше пяти десятков. Но это все оттого, что им самим

по пятьдесят. У меня был приятель, который чувствовал себя счастливым в обществе своего сына, больше ему никто не был нужен. Они вместе ходили повсюду. Кутили. Что ты! И в казино заглядывали, приятель говорил: «На кой черт мне все эти старики? У них только одно на уме: про слабительное да про печень. С сыном куда как лучше. А стоит ему подцепить какую-нибудь дамочку, я делаю вид, что ничего не вижу, сажусь в трамвай и привет. Мне иного не надо». — Эммануэль засмеялся. — Конечно, — продолжил Селест, — не слишком педагогично, но мне нравилось. — И, обращаясь к Мерсо, добавил: — Лучше уж такой приятель, чем тот, который у меня был. Когда у него пошли дела, он стал говорить со мной, запрокидывая голову и со всякими ужимками. Теперь гордости прибавилось, когда он все потерял.

— Так ему и надо, — вставил Мерсо.

— Да, не нужно быть сволочью. А все же был на его улице праздник, погулял он, что и говорить. Девяносто тысяч франков... Мне бы столько!

— И что бы ты сделал? — поинтересовался Эммануэль.

— Купил бы хибару, намазал бы клеем пупок и приклеил флаг. И стал бы ждать, откуда подует ветер.

Мерсо неторопливо ел до тех пор, пока Эммануэль не взялся рассказывать хозяину о своем участии в знаменитой битве на Марне.

— Нас, зуавов, сделали простыми пехотинцами...

— Ты нас уже достал, — незлобиво одернул его Мерсо.

— «В атаку готовьсь!» — кричит командир. Там был такой овраг, поросший деревьями, мы — в него. Нам велят целиться, но впереди никого. Ну, мы потопали вперед. А потом вдруг по нам как стали строчить из пулеметов. Все попадали друг на друга. Столько убитых и раненых было, что по дну оврага текла река крови, можно было на лодке плыть. Некоторые кричали: «Мама!» Жуть, да и только.

Мерсо встал и завязал салфетку узлом. Патрон отправился пометить его долг за обед мелом на двери кухни. Дверь служила ему книгой должников. Когда возникали споры, он просто снимал дверь с петель и на спине приносил доказательство. За стойкой пристроился сын хозяина Рене и ел яйцо всмятку. «Бедняга, слаб грудью», — проговорил Эммануэль. Так и было. Рене всегда хранил молчание и никогда не улыбался. Особенно изможденным назвать его было нельзя, разве глаза как-то странно блестели. В этот раз один из посетителей втолковывал ему, что туберкулез «со временем, если соблюдать меры предосторожности, излечим». Тот важно кивал. Мерсо подошел к стойке и сел рядом с ним, чтобы выпить кофе. Посетитель продолжал:

— Ты Жана Переса знал? Из Газовой компании? Помер. У него было поражено только одно легкое. Но он пожелал покинуть больницу и вернуться домой. А там жена. А он страсть как это любил. Болезнь его таким сделала. Понимаешь, он

то и дело пользовал ее. Она не хотела. Но он ей спуска не давал. По два, три раза на дню, ну, это его и доконало.

Рене с куском хлеба во рту перестал жевать и уставился на говорившего.

— Да, — сказал он наконец, — болезнь схватить недолго, а вот чтобы от нее избавиться, для этого нужно время.

Мерсо написал пальцем свое имя на запотевшем кофейнике. Моргнул. Его жизнь каждый день протекала между этим спокойным чахоточным и Эммануэлем, из которого сами собой вылетали песни, ее сопровождали запахи кофе и гудрона, и все это не имело никакого отношения к нему самому и его интересам, все это было чуждо его сердцу и его собственной истине. В других обстоятельствах те же самые вещи могли бы и заинтересовать его, но поскольку он жил в данных обстоятельствах, то молчал до тех пор, пока не оказывался у себя дома, и прилагал все силы к тому, чтобы подавить огонь жизни, полыхавший в нем.

— Эй, Мерсо, ты ведь у нас образованный, подсчет верный? — обратился к нему патрон.

— Верный, потом пересчитаешь.

— У тебя сегодня львиный аппетит.

Мерсо улыбнулся, вышел из кафе, перешел улицу и поднялся к себе. Его комната располагалась над лавкой, в которой торговали кониной. Когда он выходил на балкон и облокачивался на перила, до него долетал запах крови и была видна вывеска:

«Самое благородное из завоеваний человека». Он вытянулся на постели, выкурил сигарету и заснул.

Прежде комнату занимала его мать. Они издавна проживали в этой трехкомнатной квартирке. Оставшись один, Мерсо сдал две комнаты знакомому бочару и его сестре, а себе оставил комнату получше. Мать Мерсо умерла в пятьдесят шесть лет. Она была красивой и в молодости думала, что может кокетничать и блистать, что у нее все сложится как нельзя лучше. Но к сорока годам ее поразила страшная болезнь. Наряды, румяна остались в прошлом, она облачилась в рубашки и халаты, ее лицо претерпело изменения, стало одутловатым, а сама она почти перестала двигаться из-за распухших, утративших силу ног, в придачу ко всему ослепла и на ощупь потерянно бродила изредка по пыльным неухоженным комнатам. Такая перемена случилась с ней внезапно. У нее обнаружился диабет, который она мало того что запустила, так еще и усугубила своей беззаботностью. Мерсо был вынужден оставить учебу и пойти работать. До самой смерти матери он продолжал читать и размышлять. Она выдержала десять лет такой жизни. Муки ее длились долго, и окружающие свыклись с болезнью и забыли о том, что однажды ей может прийти конец. И вот ее не стало. Мерсо жалели. Ждали многого от похорон. Знали о привязанности сына к матери. Заклинали дальних родственников не плакать, чтобы не увеличивать горе Патриса. Умоляли их охранять его покой, заботиться о нем. Что до него самого, он оделся в